

А.Г. Ларин
ИДВ РАН

Китайская эмиграция и политика Пекина

Слово «эмиграция» в заголовке статьи употреблено в двух значениях: как процесс эмиграции и как совокупность эмигрантов. Речь пойдет, таким образом, об эмиграционной политике правительства КНР и о его политике в отношении китайской диаспоры. В обоих случаях налицо стремление руководителей КНР решать проблемы так, как это должен делать достойный член международного сообщества, способный не только отстаивать свои интересы, но и соблюдать интересы партнеров. На этом обстоятельстве мы и сосредоточим наше внимание¹.

В эмиграционной политике эгоистический национальный интерес перенаселенного Китая в принципе должен бы состоять в том, чтобы дать своим гражданам максимальную свободу выезда за рубеж, более того, поощрять их эмиграцию. Однако у этой проблемы есть и другие стороны, что хорошо видно из рассуждений самих китайских ученых: «Китайцев в мире много; как упорядоченным образом вывести вовне китайские человеческие ресурсы и будет ли это благом для мира или бедствием – над этим нам надо думать» [7, с. 5].

В реальности, считая необходимым избегать нареканий со стороны государств-партнеров и трений с ними, Китай осуществляет курс на ограничение эмиграции (хотя постепенно либерализует ее) и ведет активную борьбу с нелегальным выездом из страны.

Такой образ действий избран китайским правительством еще и для того, чтобы не давать лишних поводов для разговоров в международных кругах на тему о «миграционной угрозе» со стороны Китая, ставшего в наши дни главным источником международных миграционных потоков.

Конечно, борьба с нелегальной эмиграцией (некоторые авторы деликатно называют ее «нерегулярной») имеет и другой, внутренний побудительный

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда научных обменов им. Цзян Цзинго (Тайбэй).

мотив: ни одно уважающее себя государство не станет мириться с нарушением его границ, существованием каналов для передвижения преступных элементов.

Совокупность этих причин побуждает Китай прибегать к серьезным мерам для пресечения незаконной эмиграции. Пиком такой борьбы можно считать конец 80 – начало 90-х годов, когда множество людей на малых судах отплывало от китайского побережья, направляясь в Австралию, США или Канаду.

Мы хотим рассказать об этих мерах подробнее, чтобы показать их объем и разнообразие, учитывая, что вопрос о нелегальной внешней миграции, пусть даже при противоположной направленности миграционного потока, в нашей стране стоит достаточно остро.

Список принятых мер (подробнее см. [11]) включает в себя, в частности, ужесточение соответствующего законодательства, в том числе паспортного. В 2006 г. в Китае был принят новый закон о паспортах, который содержит запрет на выдачу паспортов на срок от 6 месяцев до трех лет лицам, нарушившим правила пограничного контроля, репатрированным нелегальным эмигрантам, а равно тем, кто незаконным образом остался за границей или нелегально работает там. Закон предусматривает штрафы и тюремное заключение для лиц, изготавливающих фальшивые паспорта или пользующихся ими. В выдаче паспортов должно быть отказано преступным элементам; заключенным; лицам, которые, будучи за границей, могут представлять угрозу национальной безопасности; лицам, подделавшим документы или давшим ложную информацию в заявлении на выезд [14].

Наряду с введением новых законодательных норм, в прибрежных районах страны была развернута информационная кампания: публикации в СМИ, лекции, собрания сельских жителей в местах традиционной нелегальной эмиграции и т.п., с тем чтобы довести до сознания людей всю опасность нарушения границы. Был создан Комитет по делам незаконной миграции, в который вошли представители Министерства общественной безопасности, Министерства иностранных дел и др. Еще в конце 90-х годов была организована морская полиция, усилены меры контроля за морским побережьем.

Стали использоваться новые методы проверки документов. По информации Министерства общественной безопасности, благодаря принятым мерам в октябре 2003 – марте 2004 г. было предотвращено 5500 попыток выезда из Китая по поддельным документам (и почти столько же попыток въезда в Китай подобным способом, предпринятых гражданами Вьетнама, Пакистана, Северной Кореи, Бирмы). Для сравнения: в 2003 г. Министерство общественной безопасности выдало 300 тысяч паспортов, не считая служебных, выданных МИДом.

Власти начали проводить многочисленные операции против преступных групп, занимающихся нелегальной переправкой людей через границу (участники таких групп носят прозвище «змеиные головы»; среди них встречаются не только жители КНР, но и осевшие за рубежом эмигранты китайского происхождения). Ужесточены наказания за попытку нелегального

выезда за рубеж. Теперь она карается крупным штрафом или тюремным заключением на срок до десяти лет. По возможности деньги, уплаченные неудавшимися беженцами, изымаются у контрабандистов и возвращаются их жертвам. Информация о контрабандистах и помощь в их поимке поощряются денежным вознаграждением в несколько тысяч юаней.

Наказаний не избегают и лица, вернувшиеся из нелегальной эмиграции. Они могут быть лишены свободы на срок до шести месяцев, после чего поставлены под наблюдение властей; одновременно с ними проводится воспитательная работа.

По статистике Министерства общественной безопасности, за период 1991–2003 гг. при попытке нелегального выезда всего был задержан 38 691 человек, арестовано 6149 «змеиных голов». Среди последних – немало преступников из США, Южной Кореи и Сингапура. «Змеиные головы» подвергаются более тяжелым наказаниям, чем их жертвы (с которыми «змеиные головы» обращаются подчас самым жестоким образом). Приговором за незаконную переправку людей за рубеж может быть пожизненное заключение или даже смертная казнь.

В борьбе с нелегальной эмиграцией КНР сотрудничает более чем с сорока странами, особенно тесно – с Австралией, Канадой, США, Нидерландами, Японией, Германией, Францией. Представители Министерства общественной безопасности в необходимых случаях выезжают в ту или иную страну для идентификации и депортации незаконных мигрантов.

Хорошим способом для сокращения числа нелегальных эмигрантов эксперты считают упрощение оформления при выезде за границу, в том числе на основании соответствующих межгосударственных соглашений. Китай заключил такие соглашения почти с тридцатью странами. Так, соглашение с Австралией предусматривает облегченную выдачу виз, но при строгом контроле за выездом под ответственность агентств–организаторов путешествий. Благодаря этому соглашению Австралия перестала занимать одно из первых мест по числу невозвращенцев из КНР и находится сейчас по этому показателю на одном из последних мест.

Таким образом, китайское правительство ведет энергичную борьбу с нелегальной эмиграцией, используя для этого разнообразные методы, как карательные, так и предупредительные. Другое дело, что борьба не всегда приносит желаемых результатов. Как бы полемизируя с теми, кто мог бы потребовать от правительства КНР большего, осудить его за недостаточные усилия, китайские ученые заявляют: «Китайская нелегальная эмиграция представляет собой весьма сложное, многослойное явление, одновременно и внутреннее и международное. Искоренить его в одночасье чрезвычайно трудно. Необходимо принять во внимание, что китайская нелегальная эмиграция, с какой стороны ни посмотри, является лишь малой частью совокупной международной нелегальной миграции, ее главные причины коренятся в особенностях мировой экономики, и ее характер главным образом экономический, а не политический» [7, с. 5].

В политическом плане более деликатной и сложной для Пекина задачей является гармонизация взаимоотношений китайских диаспор с населением стран их проживания. История этих диаспор в странах Юго-Восточной Азии, США, Латинской Америки дает немало примеров враждебности, трений и даже конфликтов. На протяжении длительного времени китайцы выступали здесь в качестве объекта дискриминации, третирувания, ксенофобии и, случалось, поднимались, чтобы отстаивать свои права. В государствах ЮВА, прилегающих к Китаю и принявших большую часть многомиллионной китайской эмиграции, глубоко недоброжелательное отношение к пришельцам из огромной страны сохранялось особенно долго – до 80-х годов XX в.

В настоящее время взаимоотношения зарубежных китайцев с населением стран их проживания выглядят неизмеримо более благополучными. Как представляется, решающим фактором в этой перемене стал радикальный поворот во внешнеполитической стратегии КНР и, соответственно, в ее подходе к китайской диаспоре. В течение трех десятилетий после завершения Второй мировой войны правительство КНР выступало как идеологический антагонист западного мира, склонный использовать членов китайской диаспоры для разного рода теневой деятельности против правительств принявших их государств. Особенно выпукло это проявлялось в ЮВА, где дипломатические отношения Китая со странами субрегиона отличались нестабильностью. Однако с рубежа 70–80-х годов Пекин пересмотрел свою антизападную линию, сблизил свою позицию с позициями стран ЮВА и наладил широкое экономическое, прежде всего инвестиционное сотрудничество с диаспорой. Со своей стороны, правительства обретших независимость государств ЮВА первоначально проявляли подозрительность к китайскому меньшинству. Создавая новые национальные и культурные идентичности, они предпринимали попытки его ассимиляции, требовали от него порвать связи с этнической родиной, ограничивали или запрещали деятельность китайских национальных обществ. Однако в 80-х годах, убедившись в лояльности китайской части населения, сменили прежнее негативное отношение к ней на более толерантное.

Вторая причина улучшения взаимоотношений между диаспорой и принявшими ее государствами ЮВА состоит в следующем: в условиях глобализации и распространения новых технологий – информационных, биологических и др. – роль китайского бизнеса с его предприимчивостью, международными торгово-экономическими связями стала попросту незаменимой для местных экономик. Во время финансового кризиса 1997 г. китайские предприятия хотя и понесли определенный урон, однако выстояли и помогли выжить экономике стран-хозяев, например Таиланда.

Тем не менее известная напряженность между коренными национальностями государств субрегиона и, с другой стороны, китайскими иммигрантами сохраняется и в настоящее время. (Единственным исключением является Сингапур, где этнические китайцы составляют подавляющее большинство населения и, говоря современным языком, могут считаться «государственнообразующей нацией».) Китайские общественные организации отмечают

«недоброжелательность и дискриминацию лиц китайской национальности со стороны местных органов власти и групп населения, носящие наиболее злобный характер в Юго-Восточной Азии» [8]. В особенности это касается Индонезии, где в 1998 г. дело дошло даже до этнических конфликтов, сопровождавшихся жертвами среди членов китайской общины.

Эту напряженность едва ли можно считать остаточной, историческим пережитком – она постоянно воспроизводится под влиянием как традиционных, так и новых обстоятельств. У местной политической и интеллектуальной элиты вызывают недоверие и беспокойство закрытость китайской общины, развитые связи этнических китайцев с границей, их инвестиции в экономику КНР, которые ныне расцениваются как утверждение «новой напористой китайской региональной идентичности». Существенную роль играет и то обстоятельство, что китайцы – это сильные конкуренты в бизнесе, сумевшие занять лидирующие позиции в важных сферах национальных экономик и накопить огромные богатства. Сами китайские специалисты оценивают деловые качества своих этнических собратьев очень высоко, отмечая их «готовность упорно трудиться, способность адаптироваться к новым условиям, проверенную деловую хватку, умение быстро использовать новые возможности» [13]. Эти качества постоянно фигурируют в публикациях по данной теме.

Конкурентная сила китайских предпринимателей возрастает в еще большей мере благодаря их организованности – наличию развитых неформальных личных связей (в том числе и не только между китайцами). Эти связи позволяют не только осуществлять конфиденциальный обмен деловой информацией, но и быстро заключать крупные сделки, минуя громоздкие формальности и основываясь только на доверии. Китайскую общину отличает также нелюбовь к публичности. Афористичным выражением этой черты можно считать слова одного крупного бизнесмена из ЮВА, китайца по происхождению: «Лучший способ не потерять лицо – держать закрытой его нижнюю часть».

Предпринимательский талант этнических китайцев, их вовлеченность в неподконтрольный властям межнациональный бизнес, тесные связи между членами китайских общин и общинами разных стран, их закрытость и, как итог всего этого, сосредоточенное в руках бизнесменов китайского происхождения огромное богатство – все это вызывает естественную для массового сознания агрессивную реакцию со стороны менее удачливых соперников из коренного населения. «С течением времени, – пишут публицисты из числа китайских эмигрантов, – экономические успехи ряда предпринимателей стали объектами жгучей зависти. Мало того, китайские общины в целом часто становились козлами отпущения, их членов изображали как аморальных эгоистичных людей, готовых на все ради прибыли. Потомки этнических китайцев вынуждены были преодолевать глубоко укоренившуюся в принявшие их общества враждебность, отстаивая свое достоинство и право на уважение» [8].

На рубеже XIX–XX вв., когда КНР превратилась в одно из самых могучих и быстро развивающихся государств мира и возникла идея

формирования Большого Китая, для недоверчивого отношения к китайским диаспорам в ЮВА появился новый мотив. Если ранее вызывал опасения тот факт, что своими инвестициями диаспора вольно или невольно помогает Китаю наращивать силу, то теперь к ним добавились новые опасения – что новые финансовые связи в сочетании с игрой на этнических узах позволят Китаю втянуть диаспору в сферу своего экономического и политического влияния, использовать ее как инструмент для достижения своих целей. «Мы не просто обеспокоены, – делился чувствами один из высокопоставленных филиппинских чиновников, – мы испытываем священный трепет. Лет за десять или около того Китай станет главным игроком в Азии, и мы рассматриваем зарубежных китайцев как неотъемлемую часть общего пакета» [9].

Рядом и в связи с этими размышлениями возникают и опасения иного рода: может ли экономический потенциал китайской диаспоры в странах ЮВА трансформироваться в политическую силу? Если да – то может ли этот процесс в конце концов привести к установлению контроля диаспоры над тем или иным государством? Случайно ли, что уже сегодня наиболее крупные фигуры из верхнего слоя китайской диаспоры награждаются такими прозвищами, как «властелины кольца» (имея в виду Тихоокеанское кольцо), «новые азиатские императоры» [10] и т.д.? События несколько иного плана, такие, как «дело Ли Вэньхэ», американца китайского происхождения, обвиненного в 1999 г. в США в хищении военно-технических секретов, дают добавочную пищу для предположений, что китайцы за рубежом действуют по заданиям Пекина.

Насколько обоснованы опасения насчет превращения диаспоры в разносчика «китайской угрозы»? Нам представляется, что на данный момент они полностью опровергаются рядом серьезных аргументов.

Во-первых, экономическая мощь китайцев в странах ЮВА не мешает им оставаться чужеродным национальным меньшинством, не вполне полноценной частью общества. Богатство верхнего слоя диаспор не облегчает интеграцию эмигрантов в местные общества, не дает им иммунитета от дискриминации и даже не избавляет от опасности стать козлами отпущения, если власти необходимо будет отвлечь внимание населения от фактов своей коррумпированности и некомпетентности. Китайские диаспоры не становятся и оружием борьбы за равноправие, вообще политической борьбы, поскольку они такой борьбы избегают, не желая нарушать равновесие, установившееся в их отношениях с местным населением. По образному выражению одного из китайских ученых, экономическая мощь китайской диаспоры остается «богатством внуха».

Кажется, единственный, достаточно скромный ответ на дискриминацию и неприязнь, который могут себе позволить нынешние поколения китайских эмигрантов, – это пропагандистско-просветительная работа, направленная на создание вокруг диаспор атмосферы толерантности и одновременно на воспитание в их членах чувства достоинства, гордости за принадлежность к великой китайской нации. В качестве примера можно сослаться на организацию с громким названием “World Huaren Federation”

(Всемирная федерация этнических китайцев), выпускающую на своем веб-сайте <http://www.huaren.org> интернет-журнал «E-magazine for the Globe Chinese Community». Организация ставит своей целью содействие процветанию зарубежных китайцев, борьбу за их признание, за их права, преодоление негативных стереотипов, воспитание у представителей китайской общины самоуважения, чувства собственного достоинства.

Во-вторых, местные общества крайне неохотно принимают представителей китайских диаспор (за редкими исключениями) в качестве участников властных структур, и деятельность этнических китайцев, как правило, ограничивается сферой бизнеса.

В-третьих, представление о сплоченности китайской диаспоры в той или иной стране в единый организм на поверку оказывается мифом. Правильнее было бы говорить о существовании в диаспоре многочисленных групп с более или менее тесной внутренней спайкой, соперничающих друг с другом. Не случайно вышеупомянутая Всемирная федерация этнических китайцев формулирует свою задачу как «примирение между различными группами китайцев, а также между китайцами и некитайцами». Известны многочисленные истории о богатых китайских магнатах, способных договориться между собой о совместном решении политических или деловых проблем. Тем более не приходится говорить о политической активности «новых азиатских императоров» на международном уровне: никаких солидарных выступлений за национальное равноправие с их стороны не наблюдается.

«Деятельность этнических китайцев протекает в мире бизнеса, и здесь расхождения в интересах разделяют их в большей мере, чем объединяет принадлежность к китайской нации, – отмечает авторитетный австралийский ученый Дэвид Гудмэн и делает вывод: – Помимо основы, нередко чрезвычайно смутной, в виде общности предков, мало что объединяет китайцев региона, и концепция сообщества этнических китайцев в Восточной и Юго-Восточной Азии при ближайшем рассмотрении рассыпается» [17, с. 141].

Наконец, посвятив себя исключительно коммерции, китайская эмиграция, включая ее верхний слой, оказывается заведомо далека от постановки грандиозной цели содействия возвышению этнической родины, хотя охотно гордится ее успехами. Вообще, китайские эмигранты «если и идут в политику, то только из соображений выгоды, а не из идейных соображений, связанных с их китайским происхождением» [15]. Мало того, поскольку над выходцами из Китая и их потомками постоянно довлеет опасение быть обвиненными в пропекинских настроениях и действиях, они вынуждены вести себя в отношении с этнической родиной с неизменной осторожностью, подчеркивая: то, чем они занимаются, – это чистый бизнес, не имеющий ничего общего с идеей «Большого Китая». Чтобы не давать пищу для подозрений, они нередко «делают все возможное, чтобы продемонстрировать уважение в первую очередь к пожеланиям местных правительств» [15]. Тем не менее недоверчивое отношение к китайской диаспоре, за спиной которой возвышается могущественная страна их предков, не уходит из психологии коренного населения.

Итак, китайская диаспора, будучи крупным экономическим игроком, подчеркнуто дистанцируется от политики, лишь робко касаясь проблемы равноправия, и тем более избегает всего, что могло бы дать повод упрекнуть ее в прокитайских симпатиях. В таких условиях превращение диаспоры в проводника интересов Пекина представляется невозможным.

Однако такое положение дел вполне устраивает Пекин, заинтересованный прежде всего в сохранении политической стабильности на окружающем его пространстве, в продолжении экономической активности диаспор и гармонизации их взаимоотношений с местными властями. Поэтому его «диаспоральная» линия носит консервативно-охранительный характер. При этом в его идеолого-пропагандистской позиции начисто отсутствуют малейшие намеки на политический характер связей материка и диаспоры сегодня или в перспективе, на потенциал диаспоры как политической силы и т.п. В этом смысле можно сказать, что позиция Пекина в области отношений с диаспорой полностью деполитизирована.

Втягивая в свою экономику в массовых масштабах капитал зарубежных китайцев, подняв на небывалую высоту торговое и инвестиционное сотрудничество с Тайванем, вернув Сянган, слившийся в единое экономическое целое с прилегающими районами провинции Гуандун, Пекин подчеркнуто игнорирует разговоры о «Большом Китае», ассоциируемом в международном общественном мнении с вовлечением диаспоры в политику КНР. Благодаря этому ажиотаж вокруг идеи «Большого Китая», возникший было в первой половине 90-х годов, затем сам собой сошел на нет.

Показательно высказывание самих китайских ученых: «Вследствие деликатности ряда международных вопросов материковый Китай не считает целесообразным давать свои оценки объема экономики зарубежных китайцев. Сянган, Тайвань и Аомэнь также не спешат внести ясность. В странах, где китайские эмигранты составляют национальное меньшинство, такие оценки легко могут привести к обострению межнациональных противоречий и нанести вред китайским эмигрантам» [1, 197].

Далее, во избежание неразберихи и разного рода конфликтов Китай в своем законодательстве еще в 50-е годы провел ясную границу между гражданами КНР и гражданами других государств, четко обозначив свою обязанность защищать интересы собственных граждан и вместе с тем выразив готовность соблюдать интересы граждан других государств. Действующий в настоящее время «Закон о гражданстве КНР» от 10 сентября 1980 г., основанный как на принципе крови, так и на принципе почвы, содержит следующие положения:

«Ст. 3. Китайская Народная Республика не признает двойное гражданство своих граждан.

Ст. 4. Человек, оба родителя или один родитель которого являются гражданами Китая и который родился на территории Китая, обладает китайским гражданством.

Ст. 5. Если оба родителя или один родитель являются гражданами Китая, то человек, родившийся вне Китая, обладает китайским гражданством. Но если гражданином Китая является только один из родителей,

постоянно проживающий вне Китая, то новорожденный обладает иностранным гражданством и не обладает китайским гражданством.

Ст. 6. Если родители, не имеющие гражданства или с неясным гражданством постоянно проживают в Китае, то их ребенок, родившийся в Китае, обладает китайским гражданством».

Другие статьи Закона подтверждают статью 1: человек, получивший китайское гражданство, лишается иностранного гражданства, а получивший иностранное гражданство – лишается китайского.

Это относится и к *хуацяо*. Китайское правительство одобряет и поддерживает добровольное принятие эмигрантами-*хуацяо* гражданства страны пребывания, выказывая при этом в их адрес ряд требований и пожеланий. В материалах китайской консульской службы подчеркивается: «Добровольно принявший гражданство другой страны является иностранным гражданином, он должен пользоваться всеми правами и исполнять все обязанности гражданина данной страны». Однако, теряя китайское гражданство, *хуацяо* вместе с тем «сохраняет родственную связь с китайским народом».

Если же *хуацяо* остается китайским гражданином, то правительство Китая обязывает его «соблюдать законы и обычаи страны проживания, жить в дружбе с местным населением, вносить вклад в развитие экономики страны проживания».

Инструкции прямо определяют границы деятельности китайских консульств. Так, они не могут вмешиваться в ход судебного процесса и помогать находящемуся под судом китайскому гражданину уйти от ответственности за преступление; не могут добиваться для него особо благоприятных условий содержания под стражей; не могут оплачивать его расходы на адвокатов, на проживание, лечение, транспортные расходы и ресторанные счета; не могут помогать ему получить документы, дающие право на работу или на длительное проживание в данном государстве; не могут укрывать его на территории посольства или консульства.

Что же касается лиц китайского происхождения с иностранным гражданством (*вай цзи хуажэнь*), то их права и интересы охраняются законами их государств. В Китае они могут действовать на правах иностранных предпринимателей и в этом качестве пользуются защитой соответствующих законов КНР. Вместе с тем установки для консульской работы гласят: «Поскольку многие иностранцы китайского происхождения имеют в стране родственников, мы рассматриваем их как родных нам людей, охраняем и развиваем их родственные, близкие связи с нашей страной». На территории Китая в предпринимательской сфере на иностранцев китайского происхождения фактически распространяются многие важнейшие права, предоставляемые эмигрантам-гражданам (*хуацяо*).

Главное же, чем Китай оказывает стабилизирующее воздействие на взаимоотношения китайских диаспор с местным населением, состоит в следующем. Правительство КНР прилагает самые серьезные усилия, чтобы утвердить в международном общественном мнении образ миролюбивой и ответственной державы, строго придерживающейся правил цивилизованного

поведения, и этого оно добивается не столько средствами внешнеполитической пропаганды, сколько реальным поведением и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и на мировом уровне. При этом нарастающая сила Китая, укрепляя у членов зарубежных китайских общин запрос на равноправное обращение с собой, вместе с тем побуждает коренное население к более уважительному их восприятию.

Теперь, поскольку политика правительства КНР в целом ряде аспектов, касающихся диаспоры, проявляет сдержанность в публичных заявлениях и оценках, нам представляется полезным в качестве дополнения рассмотреть, что думают на этот счет китайские ученые. Отметим здесь несколько наиболее интересных моментов.

1. Политика правительства КНР в отношении этнических китайцев, хотя бы и иностранных граждан, не должна быть пассивной. Связь этнических китайцев с родиной предков, основанная на их приверженности к национальной культуре, национальном самосознании и кровном родстве, в нынешнюю эпоху участия народных масс в международных отношениях, эпоху глобализации и признания прав человека становится особенно тесной. «Китайское правительство отнюдь не оставляет без внимания и осуждения какие-либо события только потому, что они произошли в другой стране. И если массы зарубежных китайцев поддерживают развитие Китая, то и их собственное положение может стать предметом внимания и заботы китайского правительства и народа» [4, с. 10–11]. Прецеденты налицо: в 1998 г. в ответ на антикитайские события в Индонезии поднялась «всемирная волна протеста со стороны китайцев, особенно в самом Китае, на Тайване, в Сянгане и Аомэне». Однако бездеятельность недопустима и в будничной, повседневной жизни.

2. Политика в отношении иностранных граждан китайского происхождения должна быть осмотрительной, корректной, чтобы нечаянно не подставить их под удар. Некоторые считают так: если в твоих жилах течет китайская кровь – ты обязан быть патриотом. Как складывается судьба зарубежных китайцев, мы можем не беспокоиться, да и не беспокоимся, причиним им ущерб – тоже ничего страшного. Они – дети и внуки желтых предков, должны любить страну, вносить вклад в четыре модернизации – и так они и будут делать. «Подобный образ мыслей является идеалистическим и вредным» [3, с. 38].

Скажем, предприниматели китайского происхождения, вложив капитал или сделав дар в родных местах, нередко получают почетное звание «патриот родных мест». Но если этот китаец является иностранным гражданином, такое звание заставляет людей в его стране задуматься о его политической лояльности. То же происходит, когда иностранным гражданам китайского происхождения за их вклад в пропаганду китайской культуры вручают почетный знак с надписью, буквально означающей: «сердце, преданное Китаю».

3. «В некоторых государствах власти фактически препятствуют своим гражданам китайского происхождения участвовать в политике. С другой стороны, многие из таких граждан не чувствуют связи между защитой

своих законных прав и активным выполнением гражданского долга... Граждане китайского происхождения должны активно участвовать в политике, бороться против дискриминации, чтобы защитить свои законные интересы» [2, с. 89].

4. Внутри китайских общин существуют как разного рода противоречия, в том числе социально-классового порядка, так и стремление к единству, основанное на приверженности к китайской культуре и необходимости противостоять внешним вызовам. В целом главной является тенденция сплочения.

5. Ученые КНР вежливо, но решительно отвергают появляющиеся в западной литературе гипотезы относительно грядущей, пусть и в далеком будущем, «угрозы», проистекающей из увеличения экономического веса китайской диаспоры. Истокование в подобном ключе цифр, свидетельствующих о финансовой мощи диаспоры, о наличии большого процента этнических китайцев в списке азиатских сверхбогачей – это, с точки зрения китайских ученых, одностороннее, искаженное изображение диаспоры, «способное лишь спровоцировать антикитайские настроения среди азиатских этносов, особенно в молодых государствах ЮВА» [1, с. 197].

Свою точку зрения имеют ученые КНР и по поводу нарастания масштабов и темпов процесса эмиграции из Китая. На рубеже прошлого и нынешнего веков Китай стал главным источником международных миграционных потоков. За два последних десятилетия XX в. численность китайской диаспоры увеличивалась на 2,4% ежегодно [12, с. 19–40]. Статистические данные наводят западных экспертов на предположение, что Китай «может занять доминирующее положение в системе глобальной миграции и в конце концов изменить характер принимающих обществ» [16, с. 7]. Впрочем, уязвимость гипотезы отмечают и сами ее авторы, выдвигая контрдоводы: всплеск эмиграции может быть понят как временный выброс, последовавший за долгими годами строгого контроля за выездом из страны; прошедшие обучение за границей студенты и специалисты возвращаются в Китай, привлеченные новыми возможностями, обусловленными его экономическим подъемом, и здесь возможны самые радикальные перемены в общей миграционной картине.

Однако ученые КНР критикуют эту версию «китайской угрозы» и защищают эмиграцию из Китая в ином ключе. В настоящее время, считают они, «распространившаяся по всему миру масса китайских мигрантов уже стала силой, изо дня в день оказывающей важное влияние на мировую экономику, науку, технику и культуру и привлекающей пристальное внимание всего человечества» [4, с. 7]. Китайская эмиграция – явление особое: ее участники, в отличие от западных колонизаторов, завоевателей и расистов, на протяжении всей своей истории занимались исключительно мирным трудом, не нарушая местных законов. Поэтому китайская диаспора в своих классических формах может «послужить плодотворным образцом для будущей миграционной волны, зреющей в человеческом обществе» [4, с. 6].

Что же касается будущего, то «в век стремительной экономической глобализации, в условиях открытости Китая внешнему миру трудно будет избежать миграции еще какой-то части населения за рубеж» [6, с. 51]. Не нужно забывать, однако же, что число европейцев, живущих за пределами Европы, составляет 50% ее «внутреннего» населения. Так же обстоит дело с населением многих стран Африки. Между тем китайская диаспора составляет менее трех процентов населения Китая, «из чего видно, что потенциальная сила движения китайского населения в международную сферу очень велика» [6, с. 53].

Таким образом, ученые КНР подчеркивают, что китайская эмиграция есть закономерное явление, независимо от ее абсолютных размеров обладающее бесспорным правом на существование и играющее конструктивную роль в жизни международного сообщества. Китайская диаспора должна полноценно присутствовать на политической арене принявших ее стран и добиваться равноправного положения с коренным населением, а китайское правительство – оказывать диаспоре поддержку в соответствующих формах. Опасения относительно «китайской миграционной угрозы» не основаны на серьезном анализе процессов, связанных с эволюцией диаспоры.

И прогноз: «Вслед за возрастанием совокупной национальной мощи Китая, повышением его места в мировой политике уничижительное отношение к зарубежным китайцам в местах их проживания будет смягчаться», а «отношения внутри сообщества этнических китайцев будут развиваться в сторону еще большего сплочения» [5, с. 463]. И если вторая часть этого прогноза выглядит скорее как пожелание, то первая представляется бесспорной.

Литература

1. *Дань Чунь*. Люэ лунь хай вай хуажэнь цзинци (Кратко об экономике зарубежных китайцев) // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи (Сборник работ по изучению зарубежных китайцев). Пекин, 2002.
2. *Лян Инмин*. Хай вай хуажэнь кань чжэн и чжэн вэньти яньцзю (К вопросу об участии зарубежных китайцев в политике) // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи (Сборник работ по изучению зарубежных китайцев). Пекин, 2002.
3. *Хун Юйхуа, У Вэньхуань*. Кода хуажэнь яньцзю дэ шиэ (Расширять сферу изучения зарубежных китайцев) // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи (Сборник работ по изучению зарубежных китайцев). Пекин, 2002.
4. *Хэ Шиюань*. Хай вай хуажэнь юй гоцзи иминь яньцзю (Изучение зарубежных китайцев и международной миграции) // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи (Сборник работ по изучению зарубежных китайцев). Пекин, 2002.
5. *Цзэн Шаоцун*. Хай вай хуажэнь цзуцунь дэ нэй бу гуаньси (Внутренние отношения в этнической среде зарубежных китайцев) // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи (Сборник работ по изучению зарубежных китайцев). Пекин, 2002.
6. *Цю Либэнь*. Гоцзи жэнькоу цянью юй хуацяо хуажэнь яньцзю (Международная миграция населения и изучение зарубежных китайцев) // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи (Сборник работ по изучению зарубежных китайцев). Пекин, 2002.

7. Чжоу Юйэ, Ван Сяньфэн. Дан дай чжунго фэйфа иминь ходун дэ тэчжэн (Особенности современной нелегальной миграции) (на сайте: <http://www.jnu.edu.cn>)
8. About Us (на сайте: <http://www.huaren.org>)
9. Enter the Dragon: Building the Chinese Powerhouse 6/26/94 (на сайте: www.academic.brooklyn.cuny.edu/core9/phalsall/chinpress.html)
10. *Haley G.T., Tan Chin Tiong, Haley U.C.V.* New Asian Emperors. Butterworth Heinemann, 1998.
11. CEME (Cooperative Efforts to Manage Emigration). Best Practices to Manage Migration: China (на сайте: http://migration.ukdavis.edu/ceme/more.phpbid=149_0_6_0)
12. *Li P.* Chinese Overseas as a Minority in Majority Settings. Proceedings II: the International Chinese Overseas Conference. Taipei, 2001.
13. Overseas-Chinese Entrepreneurship. WHF. E-magazine for the globe Chinese community. 2004. January. # 3 (на сайте: <http://www.huaren.org>)
14. Passport Law to Fight Against Illegal Emigration. Xinhua News Agency. June 2, 2006.
15. *Phar Kim Beng.* Overseas Chinese: How Powerful are They? Asia Times online. 10.12/2002 (на сайте: <http://www.atimes.com/atimes/China/DL10Ad04.html>)
16. *Skeldon R.* China: From Exceptional Case to Global Participant (на сайте: www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?ID=219)
17. Survival. Winter 1997–1998.